

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*Наполеон
и его женщины*

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Наполеон и его женщины

«Этерна»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

Бретон Г.

Наполеон и его женщины / Г. Бретон — «Этерна», — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00059-7

«...Портрет Наполеона, который предлагается в этой книге, безусловно, удивит очень многих читателей. Дело все в том, что лицемерные и сострадательные историки полностью исказили настоящий портрет императора. Поставив себе целью изобразить некоего полубога, они сознательно скрыли от нас самую человеческую сторону его жизни: они не показали Наполеона в постели с женщиной. Наполеон, однако же, обожал женщин. И ради них он бросал бумаги, планы сражений, солдат и маршалов. Для того чтобы очаровать женщин, он раздавал им миллиарды франков. Для того чтобы их соблазнить, он писал им тысячи любовных писем и записок. Для того чтобы обладать ими, он отдавал им столько дней и ночей, что невольно встает вопрос: где же он брал время на то, чтобы править своей Империей и вести войны?.. Известно ли вам, что у него было больше любовниц, чем у Людовика XV, Франциска I и Генриха IV, вместе взятых?.. Женское окружение ему было до такой степени необходимо, что понять его характер невозможно, если не принимать во внимание его подвиги на стеганом одеяле...»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

ISBN 978-5-480-00059-7

© Бретон Г.
© Этерна

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ги Бретон

История любви в истории Франции:

Том 7. Наполеон и его женщины

Во время больших кризисов удел женщин – скрашивать наши невзгоды.

Г. Наполеон

*Памяти моего предка,
египтолога Жана-Батиста-Проспера Жоллу, участника
египетской экспедиции, посвящается*

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

В оформлении использован фрагмент работы Жана Огюста Доминика Энгра «Наполеон – первый консул» (1804)

Портрет Наполеона, который предлагается в этой книге, безусловно, удивит очень многих читателей. Дело все в том, что лицемерные и сострадательные историки полностью исказили настоящий портрет императора. Поставив себе целью изобразить некоего полубога, они сознательно скрыли от нас самую человеческую сторону его жизни: они не показали Наполеона в постели с женщиной.

Наполеон, однако же, обожал женщин. И ради них он бросал бумаги, планы сражений, солдат и маршалов. Для того чтобы очаровать женщин, он раздавал им миллиарды франков. Для того чтобы их соблазнить, он писал им тысячи любовных писем и записок. Для того чтобы обладать ими, он отдавал им столько дней и ночей, что невольно встает вопрос: где же он брал время на то, чтобы править своей Империей и вести войны?..

Известно ли вам, что у него было больше любовниц, чем было у Людовика XV, Франциска I и Генриха IV, вместе взятых?..

Женское окружение ему было до такой степени необходимо, что понять его характер невозможно, если не принимать во внимание его подвиги на стеганом одеяле. Со своими прекрасными подружками он проявляет одно из своих главных качеств: мальчишество.

Это мальчишество заставляло его играть в чехарду на лужайке перед Мальмезоном с придворными дамами и молоденькими фрейлинами, прятаться под подушки для того, чтобы рассмешить мадемуазель Жорж, переодеваться в платье горожанина для того, чтобы ночью отправиться в город на поиски новых любовных приключений, прогуливаться по Парижу переодетым в компании с Марией Велевской или же бежать босиком по коридорам дворца Фонтенбло за красивой дамой, читавшей императрице книги, только из-за того, что округлый зад этой дамы привел его в хорошее настроение...

Женщины не только доставляли ему мгновения наслаждения, некоторые из них оказали достаточно большое влияние на его судьбу: Жозефина дала ему возможность стать Главнокомандующим Итальянской армией. Полина Фурес помогла завоевать славу в Египте, Дезире Клари была его единственной помощницей в государственном перевороте 18 брюмера и т. д.

И вот мы уже далеки от легенды...

Естественно, этот несколько неприличный портрет Наполеона как мальчишки и волокиты было бы невозможно создать без достаточного количества неопровержимых доказательств. Именно поэтому я посчитал необходимым часто и довольно долго цитировать показания свидетелей самых на первый взгляд необычных и неожиданных сцен.

И это позволяет мне утверждать, что далеко не всегда Наполеон держал руку за отворотом мундира...

Глава 1

В качестве приданого Жозефины Бонапарт получает пост главнокомандующего Итальянской армией

Приданое – это смысл женитьбы, а любовь – ее повод.
Коммерсон

2 октября 1795 года в четыре часа дня двое приехавших из Парижа жандармов заняли пост у въезда на мост Круасси-сюр-Сен и, не теряя ни минуты, принялись крутить усы с тем задумчивым и подозрительным видом, который уже тогда начал быть характерным для конно-полицейской стражи.

В то же самое время семьдесят их собратьев через каждые сто метров заняли посты от Нантерра до Буживаля и начали производить большим и указательным пальцами ту же самую операцию с усами.

Это развертывание сил производилось вовсе не для того, чтобы обеспечить прохождение военной колонны или проезд какого-нибудь политического деятеля по делам государственной важности.

Все эти семьдесят два жандарма в этот прекрасный золотой осенний день накручивали усы на одной из дорог Иль-де-Франса лишь только потому, что Баррас¹ соизволил, как это было заведено раз в десять дней, отправиться получать непередаваемое – но совершенно естественное – удовольствие с госпожой де Богарнэ, проживавшей в одном небольшом домике в Круасси².

Для того чтобы придать побольше пикантности любовным забавам, член Конвента, проявлявший иногда в любви стадный инстинкт, привозил к этой своей любовнице нескольких горячих, легкомысленных, доступных и всегда готовых отвечать на любой жест красоток. Они всегда приезжали к ужину.

Часов около пяти с Елисейских Полей отъехала большая карета, которую приятель Барраса трактирщик Дуаен³ загрузил доверху разными деликатесами, корзинками с вином и шампанским. Она отправилась к госпоже де Богарнэ. По прибытии ее Мари-Роз⁴ вышла из дома и сделала кучеру знак закрыть двери сада. Во время неурожая не следовало показывать жителям Круасси, что хозяева Конвента не голодают со всем народом.

После того как ворота сада были закрыты, из кареты вытащили провизию и в маленьком салоне был накрыт стол возле камина с приготовленными дровами. Когда пришло время расставлять приборы, Мари-Роз отправилась занять тарелки и бокалы у своего соседа господина Паскье, которому было суждено стать докладчиком в Государственном совете и префектом императорской полиции...⁵

К шести часам вечера к дому подъехала другая карета. В ней прибыли госпожа Тальен, госпожа Амелен, соблазнительная креолка, чья походка околдовывала мужчин, а также двое сильных молодых людей, которых прекрасная Терезия всегда возила с собой «на всякий случай».

Мари-Роз встретила гостей с принятыми в свете восклицаниями, которые поразили кучера, милого доброго человека.

Затем все разместились в тоннеле из роз для того, чтобы самозабвенно обсудить последние столичные скандальные новости.

Без четверти семь прибыл Баррас, один, верхом. Три женщины нежно расцеловались с ним, и вскоре все уже сидели за столом. А семьдесят два жандарма, закончив работу, рысью вернулись в Париж, приведя свои усы в идеальное состояние.

Ужин прошел весело. Едва подали суп, Мари-Роз, госпожа Тальен и госпожа Амелен, сбросив с себя свои легкие одеяния, полностью обнажились. На закуску Терезия помочила концы сосков в бокале с шампанским Барраса. Когда подали птицу, Мари-Роз «вставила цветок левкой в корзиночку». Когда на столе появился салат, Фуртуне Амелен повязала на талию платок и исполнила очень возбуждающий танец.

Перед десертом Терезия встала на четвереньки на ковер и «стала имитировать плавную походку африканской пантеры». И наконец, с появлением на столе сыра Мари-Роз уселась на колени к члену Конвента и, как сообщает нам барон де Буйе, «показала ему, живо работая задом, какими хорошими навыками она обладает»⁶.

И тогда ужин приобрел чуть менее гастрономическую направленность. Будущая императрица увлекла будущего члена Директории на канapé и проявила себя, как отметил господин де Буйе, «гостеприимной хозяйкой, заботящейся об удобстве гостей».

А когда Баррас заменил левкой, госпожа Тальен улеглась перед огнем с одним из своих кавалеров «на всякий случай», а госпожа Амелен «предоставила свое сладострастное тело в полное распоряжение третьего приглашенного».

Ночь прошла очень бурно. Когда первые лучи солнца прорвали плававший над Сеной туман, Мари-Роз и ее гости спали на полу, лежа в ужасном беспорядке...

В семь часов утра семьдесят два жандарма снова стояли на своих постах, уставившись глазами в воображаемую линию горизонта, начиная от моста Круасси до Заставы Руля, для того, чтобы охранять возвращение Барраса и его любезных потаскух, то есть лиц, которые с таким пылом защищали демократические свободы от возможного нападения на них грабителей с большой дороги или же каких-нибудь злобных роялистов.

В девять часов Баррас со слегка усталым лицом вышел из дома Мари-Роз. Он немного прогулялся по саду, вдыхая осенние запахи, и почувствовал себя совсем хорошо. Когда он направился к лошади, к нему подскочила, прыгая по гравию, госпожа де Богарнэ, одетая в прозрачный пеньюар.

– Поль!..

Она бросилась ему на шею, ласкающаяся, мурлыкающая, соблазнительная. Он все понял и сухо спросил:

– Сколько ты хочешь?

Она потупилась:

– Я задолжала 3000 франков за несколько платьев...

– Я пришлю их тебе сегодня вечером.

Она прижалась к нему всем телом и наградила продолжительным поцелуем. Со слегка раздраженным видом он отстранился от нее, похлопал по щеке, сел на коня и галопом помчался в Париж...

Мари-Роз вернулась в дом радостная, не подозревая о том, что эта просьба в скором будущем навсегда разлучит ее с Баррасом и круто переменит ее судьбу.

Всю дорогу в столицу член Конвента размышлял. За несколько дней до того госпожа Тальен уже просила у него крупную сумму для Мари-Роз. Тогда он отказал. Но Терезия подошла прямо к секретеру, открыла его и забрала все деньги, что там лежали.

– Дорогой мой, – сказала она смеясь. – Ваши любовницы не должны ни в чем испытывать недостатка. Разве они не служат для того, чтобы удовлетворять все ваши вкусы?⁷

Он тогда тоже рассмеялся. Но в это утро он вдруг понял, что не может содержать эту женщину, которая не могла устоять перед любым украшением или же куском материи, которая швыряла деньги направо и налево и влезала в долги, словно потаскуха, «полагая, что Естество было настолько предусмотрительно, что дало ей средство, находившееся ниже пупка, для уплаты по всем ее счетам»⁸.

И он решил порвать с ней.

Но что же ждало в этом случае Мари-Роз?

Баррас на мгновение задумался, потом улыбнулся. В голове его родился довольно любопытный план. Для того чтобы освободиться от этой молодой женщины, ее следовало выдать замуж за маленького Бонапарта, который вот уже несколько месяцев старался добиться положения в обществе путем женитьбы⁹.

А чтобы уговорить слишком требовательную госпожу де Богарнэ согласиться на этот странный союз, достаточно было вывести из тени этого худосочного генерала, которого она встречала в доме госпожи Тальен, и дать повышение по службе. Что же касается маленького корсиканца, то он должен был быть счастлив тем, что породнится с аристократической семьей.

Поэтому у каждого должно было сложиться убеждение в том, что он провернет ловкое дело. А будущий член Директории, освободившись от этой стеснявшей его связи, сможет целиком посвятить себя служению прекрасной Терезии, любовный талант которой он мог по достоинству оценить прошедшей ночью.

Пока Баррас готовил таким образом свое будущее, Мари-Роз завтракала со своими друзьями. В десять утра госпожа Тальен, госпожа Амелен и оба их кавалера уселись в привезшую их карету. В последний момент к ним подседа госпожа де Богарнэ.

– Я провожу вас до поворота на парижскую дорогу, а домой вернусь пешком.

У второго поворота она вылезла из кареты. Кучер взмахнул кнутом, и карета помчалась в

Париж, а Мари-Роз некоторое время постояла еще на дороге, посылая прощальные приветствия своим друзьям.

Когда карета скрылась из виду, виконтесса неторопливо направилась в сторону Круасси, собирая цветы и разглядывая через кроны деревьев парка крыши большого строения, стоявшего на склоне холма.

Это жилище привлекало ее внимание по причине ходившей о нем легенды. Рассказывали, что в XI веке один норманнский вождь по имени Одой обосновался в этом месте для того, чтобы нападать на путников, брать с них выкуп и по необходимости перерезать им горло. Легенда утверждала, что этот варвар велел своим людям приводить к нему женщин и девиц со всей округи и грубо насиловал их на сундуке...

Этот гнусный Одой сеял в этих краях такой ужас, что народ назвал его логово «*mala mansion*» (нехороший дом). Долгие века окрестные жители утверждали, что в развалинах этого покинутого замка поселился дьявол.

Легенда эта, однако, нисколько не помешала монахам из монастыря Сен-Дени заниматься в этом поместье сельским хозяйством. А Мари-Роз знала, что с 1792 года бывшее логово Одона (заново отстроенное в XVII веке) принадлежало богатому банкиру господину Лекуто де Кантеле.

Итак, поместье, владелицей которого мечтала стать будущая императрица и вокруг которого, движимая любопытным предчувствием, она обычно гуляла, называлось Мальмезоном...

В Париж Баррас прибыл к полудню. Он был расслаблен и доволен собой. Едва он слез с коня, как к нему подбежал один из секретарей Конвента и сообщил тревожную новость. Надеждавшиеся на реставрацию Бурбонов роялисты приобрели за несколько последних дней множе-

ство сторонников в секциях Национальной гвардии, и теперь можно было ждать самого худшего.

На следующий день, 4 октября (12 вандемьера), ситуация резко обострилась. Члены Конвента с ужасом узнали о том, что монархисты, располагавшие сорокатысячной армией, готовились двинуться на Тюильри. Охваченные паникой депутаты Конвента назначили Барраса главнокомандующим Внутренней армией.

Баррас начал с того, что снял с должности генерала Мену, которого врожденная нелюбовь к боям заставила начать переговоры с восставшими. Затем он заявил трясущимся от страха членам Конвента:

– Заменить Мену очень просто. У меня есть человек, который нам нужен. Это Бонапарт, тот самый офицер, который спас Тулон. Он сделает все, что нужно.

Комитет общественного спасения с радостью согласился¹⁰. Но Баррас пояснил, что этот маленький корсиканский генерал был отстранен от исполнения служебных обязанностей с тех пор, как отказался служить в Вандейской армии.

– Восстановить его на действительной службе! – постановил председатель Комитета общественного спасения, по лицу которого струился пот.

Именно этого и хотел Баррас. Он немедленно послал за Бонапартом в гостиницу «Синий циферблат» на улице Юшет.

Национальный гвардеец, которому вручили наспех составленный приказ, помчался в тот грязный и зловонный квартал, где проживал будущий император Франции. Спустя полчаса он вернулся, но один. Бонапарта он не нашел.

Тогда взбешенный Баррас велел искать его во всех гостиницах и кафе, где обычно болтался его протеже. В девять часов вечера двадцать пять гостиниц и семнадцать трактиров удостоились визитов гвардейцев, но результата эти посещения не дали.

Так где же был этот Бонапарт?

Где?

Да у противника...

Начиная с пяти вечера он действительно (большинство историков обычно этот факт стыдливо замалчивают) вел переговоры с восставшими. Жалованья он не получал, у военного начальства был не в почете, жил на ничтожную зарплату за исполнение маленькой должности в топографической службе вооруженных сил. И посему ему в голову пришла мысль предложить свою шпагу врагам Конвента в надежде получить за нее немалую цену.

Но переговоры шли плохо. Роялисты, отнесясь к Бонапарту как к простому наемнику, предложили ему за работу деньги. Слегка разочарованный этим, он стал торговаться насчет суммы, потребовал себе адъютантов и важный пост в случае победы.

В конце концов стороны вроде бы уже договорились, но тут часы пробили шесть ударов. Бонапарт внезапно поднялся.

– Разговор этот мы продолжим ночью, – сказал он. – А теперь прошу прощения, но срочное дело вынуждает меня быть в Париже. До скорой встречи.

Этим «срочным делом», которому суждено было решить его судьбу, было любовное свидание. Давайте послушаем барона де Буйе:

«Накануне 13 вандемьера Наполеон ушел от роялистов, уже считавших его своим человеком, и отправился в “Театр Фейдо”¹¹ на свидание с некоей молоденькой девицей по имени Сюзанна, проживавшей по улице Сурдьер в гостинице, где этот молодой офицер иногда проводил ночи, занимаясь очень приятными делами.

Этой девице, фамилии которой мы не знаем, было восемнадцать лет. Средства к существованию она добывала тем, что рисовала портреты. Бонапарт познакомился с ней однажды

вечером в “Республиканском Театре”, куда часто ходил по льготным билетам, которые доставал ему его приятель Тальма».

И барон добавляет одну пикантную подробность:

«Когда Бонапарт приходил с любовным визитом к Сюзанне, то из-за крайне малых размеров комнатки, где находила пристанище их любовь, ему приходилось класть шпагу на стул, а треуголку – на кувшин с водой. Произведя эти операции, он предавался наслаждению... Девушка заботилась о нем: стирала ему белье, штопала чулки, надраивала шпагу и готовила сосиски с чечевицей, которые он с наслаждением поедал в большом количестве...»¹²

Дори со своей стороны уточняет:

«Эта любовь была для Наполеона просто подарком судьбы. Ведя совместное хозяйство с этой юной художницей, он за неделю не тратил того, что до знакомства с ней успевал потратить за один день»¹³.

Мы видим, что счастливая звезда Бонапарта имела в тот день, 12 вандемьера V года, вид очаровательной блондинки. Ибо можно с уверенностью сказать, что, если бы он руководил операциями роялистов, 13 вандемьера сторонники Конвента, без сомнения, были бы истреблены. И в этом случае на трон взошел бы Людовик XVIII, а Империи бы не было.

Итак, Бонапарт встретился с Сюзанной в «Театре Фейдо», где в тот вечер шла комическая опера «Лодойска» композитора Керубини. Взявшись за руки, они вошли в зал и стали с нетерпением ждать, когда первый тенор начнет исполнять ту великолепную арию, которую в то время распевал весь Париж.

Чем оставить красоту вдали,
Лучше жизнь потеряю.
Я живу только ради любви
И во имя любви умираю.

В антракте к ним в ложу влетел, тяжело дыша, один из приятелей Бонапарта.

– Баррас повсюду разыскивает тебя, – сказал он будущему императору. – Его только что назначили главнокомандующим Внутренней армией, и он хочет взять тебя своим заместителем.

Затем он сообщил о том, что Бонапарта восстановили в армии, и описал охватившую Конвент панику.

– Тебе нельзя терять ни минуты!

Бонапарт, решив, что восстановление в армии и та должность, которую предлагал ему Баррас, были более интересными, нежели предложения роялистов, оставил Сюзанну наслаждаться в одиночестве музыкой Керубини, а сам поспешил в Тюильри.

Баррас встретил его неприветливо:

– Где ты был?

– В театре.

– Ходить в театр в то время, когда Республике угрожает смертельная опасность! Ты с ума сошел!

Раздраженный Бонапарт ничего на это не ответил, а только поинтересовался, какой будет его роль в борьбе против восставших.

– Все командные должности я уже отдал офицерам, которые явились первыми, – сухо ответил Баррас. – Ты будешь моим адъютантом...

После этого главнокомандующий поинтересовался новостями, и ему доложили о том, что роялисты были намерены начать атаку в четыре часа утра. Он повернулся к Бонапарту, который следовал за ним, понурился головой.

– Теперь ты видишь, что нельзя терять ни минуты и что я был прав, отругав тебя за то, что ты не прибыл раньше...¹⁴

Потом он смягчил тон и дал понять своему протеже, что тому отводилась должность заместителя главнокомандующего.

Тогда Бонапарт поручил одному юному офицеру (это был Мюрат, его будущий свояк) доставить в Тюильри те пушки, которые поместили в Саблон и охраняли из рук вон плохо. На заре 13 вандемьера, благодаря находчивости и смелости, он мог уже противопоставить восставшим что-то.

Утром войска восставших сконцентрировались на улице Сен-Оноре и на улице Конвента (нынешняя улица Сен-Рош). Бонапарт, у которого под рукой было всего лишь 7000 человек, немедленно превратил Тюильри в укрепленный лагерь.

В пять часов вечера роялисты двинулись на штурм. Но им противостоял тот, кто накануне предлагал им свою шпагу... Сметенные яростным огнем с Королевского моста, затем со ступенек церкви Сен-Рош, восставшие в панике бежали, оставив на мостовой 5000 трупов.

С восстанием было покончено.

24 вандемьера (16 октября) благодарный Конвент произвел своего спасителя в чин дивизионного генерала и назначил главнокомандующим Внутренней армией. Ставшего внезапно национальным героем Бонапарта стали все привечать, приветствовать, приглашать в гости. Каждый считал за честь позвать к себе домой героя дня «генерала Вандемьера».

Баррас воспользовался этим увлечением парижского общества для того, чтобы подготовить свадьбу, которая должна была избавить его от госпожи де Богарнэ. Он организовал ужин, на который были приглашены Камбасерес, Фрерон, Карно, Тальма, Бонапарт и его младший брат Люсьен, банкир Уврар, госпожа Тальен и Мари-Роз.

Последняя не узнала застенчивого и неловкого «кота в сапогах», которого раньше встречала в «хижине» Терезии. «Чудесный гриб, выросший всего за восемь дней», как назвал его Октав Обри, Бонапарт вел себя властно, самоуверенно, и это сделало его неузнаваемым. Креолку усадили с ним рядом, и она очень долго расспрашивала его про Корсику, которую, впрочем, очень часто путала с Сицилией...

Ее детские высказывания и манера говорить сюсюкая очень забавляли молодого генерала, и он отвечал ей с воодушевлением, причиной которого во многом было выставленное Баррасом вино.

Будущий член Директории краешком глаза постоянно наблюдал за этими двумя гостями. Чувствуя, что все устроится так, как ему хотелось, он целовал в шею прекрасную Терезию, чьи ослепительно-белые зубы так контрастировали с черными огрызками во рту госпожи де Богарнэ...

После ужина, как это и предвидел Баррас, прекрасно знавший психологию женщин, находящихся на содержании у мужчин, в голову Мари-Роз пришла мысль о том, что надо было бы сделать ставку на Бонапарта, который мог ей пригодиться, тем более что она видела, как член Конвента стал явно отдавать предпочтение госпоже Тальен и отдаляться от нее. И она решила снова увидаться с молодым генералом.

Но как это сделать? Она стала искать способ, и, поскольку женщиной она была хитрой, нашла. Узнав о том, что генерал отдал приказ сдать все находящееся у парижан оружие, она подослала к нему своего сына...

Вот как сам Наполеон описывает эту сцену, сыгравшую такую большую роль в его жизни:

«Мы начали проводить всеобщее разоружение секций. В штаб явился некий молодой человек лет десяти – двенадцати и стал умолять главнокомандующего вернуть ему шпагу отца, который был республиканским генералом. Звали этого молодого человека Евгением де Богарнэ, впоследствии он станет вице-королем Италии. Тронутый необычностью просьбы и

приятной наружностью юноши, я сделал все, о чем тот просил; увидя шпагу отца, Евгений зарыдал. Это очень тронуло меня, и я так хорошо отнесся к юноше, что госпожа де Богарнэ посчитала себя обязанной на другой день явиться в штаб и поблагодарить меня. Я немедленно нанес ей ответный визит»¹⁵.

Хитрость удалась, и, действительно, спустя несколько дней Бонапарт, окрыленный визитом госпожи де Богарнэ, уже звонил в дверь особняка на улице Шантрэн, в который креолка переселилась 10 вандемьера¹⁶. Он был принят как старый знакомый и очарован этой элегантной женщиной, которая показалась ему богатой и влиятельной...

Таким образом, оба они предполагали совершить выгодную сделку. Она считала, что нашла защитника, а он в это самое время думал о состоянии, которое должно было у нее остаться после смерти господина де Богарнэ...

Первое свидание вселило в Мари-Роз большие надежды, поскольку она с наслаждением чувствовала, как ее раздевал пылающий взгляд маленького генерала.

Она не без оснований стала надеяться на то, что он повторит свой визит. Но, занятый по службе, Бонапарт заставлял себя ждать. И тогда она, охваченная нетерпением, послала ему записку, очень откровенно говорившую о ее желаниях:

«Вечеру 6-го

Вы больше не приходите увидеться с другом, который Вас любит; Вы полностью покинули ее, и Вы очень не правы, поскольку она к Вам испытывает неясную привязанность (sic).

Приходите же завтра, в септиди¹⁷ ко мне обедать. Вы мне нужны, и нам надо поговорить с

Вами о Ваших делах. До свидания, друг мой, целую Вас.

Вдова Богарнэ».

Слегка оторопев от такого послания, Бонапарт немедленно написал ответ:

«Вы совершенно заблуждаетесь по поводу моего к Вам отношения. Я убедительно прошу Вас доставить мне удовольствие поверить в то, что никто так не желает завоевать Вашу дружбу, как этого желаю я, что никто более меня не готов сделать что угодно для того, чтобы доказать Вам это.

Если бы дела мои позволили, я сам доставил бы Вам это мое письмо.

Бонапарт».

В воскресенье в полдень он снова был на улице Шантрэн, где госпожа де Богарнэ оставила его ужинать. После десерта она увлекла его в свою спальню...

Там, не теряя ни секунды, Бонапарт набросился на нее, повалил на кровать и овладел с таким пылом, что виконтесса была тронута до глубины души. После чего, раздевшись, он снова лег в постель, нахмутив брови, «словно пожарный, входящий в охваченный пламенем дом...».

В десять утра Жозефина (с тех пор она будет носить это имя) заснула с ощущением необычайной легкости в теле...

На другой день она получила от Бонапарта письмо, орфографические особенности которого мы постарались сохранить:

«7 часов утра.

Я просыпаюсь наполненный тобой. Твой облик и опьяняющие воспоминания о вчерашней ночи не дают покоя моим чувствам. Нежная и несравненная Жозефина, какое странное действие Вы производите на сердце мое! Вы сердитесь? Вы чем-то опечалены? Вас что-то

тревожит? Душа моя разбита болью, и нет Вашему другу никак покоя... Но не в этом ли моя выгода, поскольку, подчиняясь охватившему меня глубокому чувству, я пью с Ваших уст огонь Вашего сердца обжигаящий меня. Ах! Этой ночью я обнаружил, что портрет Ваш – это вовсе не Вы! Я выезжаю в полдень и увижусь с тобой через три часа. А пока что, mio dolce amor¹⁸, илю тебе миллион поцелуев, но не возвращай их, мне поскольку они воспаляют мою кровь.

Б. П.»¹⁹

Некоторое время любовники встречались тайно, но когда Бонапарта назначили главным командующим Внутренней армией, он решил жениться на Жозефине.

Несмотря на огромную любовь, которую он питал к молодой вдове, Бонапарт, тем не менее, решил посоветоваться с мудрым другом. А коварная судьба поставила в качестве такого друга именно Барраса...

Увидев смущение на лице пришедшего к нему Бонапарта, Директор²⁰ сразу же понял, что все идет по намеченному им плану. Но, не желая выдавать себя, он начал с того, что, напустив на себя суровый вид, стал выговаривать генералу за то, что все те богатые подношения, который тот сделал Жозефине, были куплены на деньги, взятые из казны Внутренней армии:

– Ты, кажется, принял эту Богарнэ за одного из солдат 13 вандемьера, которого должен был включить в раздаточную ведомость? Лучше бы ты послал эти деньги своей семье, которая в них очень нуждается и которой я не так давно помог средствами.

«Бонапарт покраснел, – пишет Баррас в своих “Мемуарах”, – но не стал ничего отрицать.

Поскольку я продолжал шутить над его щедростью, которая явно свидетельствовала о его безумной страсти, он рассмеялся вместе со мной и сказал:

– Подарков любовнице я никаких не делал и не собирался соблазнять эту девственницу: я, скорее, из тех, кто предпочитает зрелую любовь юношеским вздохам... Так вот! Что бы вы сказали, гражданин Директор, если бы я действительно был в связи с госпожой де Богарнэ и если бы те подарки, в которых вы меня упрекаете, были свадебными?»

Баррас с трудом сдержал себя, чтобы не расхохотаться. Но сделал вид, что размышляет. А через несколько минут произнес:

– Вообще-то эта мысль о свадьбе не столь уж и смешна...

– А кроме того, госпожа де Богарнэ богата, – сказал Бонапарт.

Роскошь, в окружении которой жила молодая женщина, ослепила маленького генерала. Он не знал только того, что Жозефина жила на те средства, которые занимала у всех подряд, и что то богатство, которым она (по ее словам) владела на Мартинике, на самом-то деле принадлежало ее матери...

– Честное слово, – снова заговорил Баррас. – Если уж ты пришел ко мне за советом, то я отвечу тебе твоими же собственными словами: а почему бы и нет? Ты одинок, ничем не связан. Твой брат Жозеф уже указал тебе дорогу к женитьбе: приданое Клари позволило ему выкарабкаться из нищеты²¹. Ты говоришь, что у тебя больше нет средств и что тебе нельзя больше терять времени. Что ж, женись: женатый мужчина пользуется в обществе большим уважением. Он тверже стоит на ногах и лучше противостоит своим противникам...

Именно эти слова Бонапарт и хотел услышать от Барраса. Поблагодарив Директора, он с легким сердцем умчался... А Баррас в это время наслаждался торжеством своего разума...

Но, как в классическом водевиле, вскоре к Директору обратилась за советом молодая вдова.

Вот как Баррас описывает эту сцену:

«Спустя несколько дней ко мне явилась госпожа де Богарнэ и поделилась своими тайнами. Начала она с того, что в этой новой связи сердце ее не принимает ни малейшего участия. Что из всех мужчин, кого она могла бы полюбить, этот маленький “кот в сапогах” стоит

на самом последнем месте: в нем нет ничего, что могло бы ей понравиться. Он дорожит своей семьей попрошайек, которая нигде не пользуется уважением; но у него в Марселе удачно женился брат, и тот обещает помочь остальным членам семьи...

Госпожа де Богарнэ призналась мне в том, что Бонапарт преподнес ей щедрые подарки, позволившие ей предположить, что средств у него гораздо больше, чем все полагают.

– Что же касается меня, – сказала она, – я не считаю необходимым скрывать того, что нахожусь в крайне стесненных обстоятельствах; он полагает, что у меня уже есть некоторые средства, и думает, что я могу получить еще больше с Мартиники. Не говорите ему, дорогой друг, того, что вы знаете, иначе все сорвется. И, хотя я его вовсе не люблю, я постараюсь вернуть это дельце, поскольку этого желаете вы. Ведь я всегда буду любить только вас, поверьте мне. Роза всегда будет принадлежать вам, всегда будет вам рада, стоит вам только подать знак. Но я знаю, что вы меня вовсе не любите, – продолжала она, обрушив на меня вдруг поток слез, проливать которые она была большая мастерица. – И это больше всего печалит меня и не дает мне успокоиться, хотя я и очень стараюсь. Когда женщине довелось любить такого мужчину, как вы, Баррас, может ли она иметь в этом мире какую-то другую привязанность?..

– А как же Ош? – возразил я, не проявляя ни малейшего волнения, и даже с улыбкой. – Вы ведь его так любили. А его адъютант, а Ванакр²² и tutti quanti²³? Вы, однако, игривая особа...»

Эти слова привели в замешательство госпожу де Богарнэ, которая, не зная, как ей следовало себя вести, решила, что лучше было продолжать рыдания, омывая руки Барраса горячими слезами и покрывая их поцелуями. Но это ему быстро надоело, и он, вызвав колокольчиком слугу, велел заложить карету и отвезти гостью домой.

«Я отправил с ней одного из моих адъютантов... Слезы ее быстро высохли, еще совсем недавно искаженное от страданий лицо вновь приобрело спокойную миловидность и обычное для него кокетливое выражение.

По возвращении адъютант сообщил мне, что дама прибыла домой в полном порядке. За все время дороги она лишь несколько раз горестно вздохнула и сказала только:

– Почему только человеческое сердце не зависит от его рассудка? Зачем было любить такого человека, как Баррас? И как разлюбить его? Как забыть его? Как навсегда перестать думать о нем и начать думать о ком-либо другом? Умоляю вас, передайте ему, что я буду всегда ему предана и что всегда буду любить только его, что бы со мной в этом мире ни случилось...»

Конечно же, такие слова очень польстили самолюбию Директора. Но он все же поздравил себя с тем, что вовремя подтолкнул эту беспокойную любовницу в объятия Бонапарта...

В скором времени в особняке на улице Шантрэн Жозефина приняла «жениха» и изложила ему свою версию ее недавнего разговора с Баррасом.

– Этот человек был гнусен, – сказала она. – Он попытался изнасиловать меня. Он давно уже домогался меня, но на этот раз мне пришлось бороться с ним. Он крепко держал меня, мы упали оба на ковер, и тут я потеряла сознание.

Бонапарт ужасно разозлился и сказал, что сию минуту он отправится к Баррасу и потребует от него удовлетворения за оскорбление, нанесенное им его будущей супруге.

Жестом, вдохновившим барона Гро написать свое замечательное полотно, Наполеон схватился за шпагу. Испуганная креолка схватила его руку и, став сразу же нежной, сказала:

– Послушай, у Барраса, следует признать, манеры несколько грубоватые, но человек он добрый и отзывчивый. Он хороший и верный друг, и если кто-то сумел его заинтересовать, то может быть уверенным в том, что Баррас его не оставит и будет принимать в его делах самое активное участие. А посему нам следует принимать людей и события такими, какие они есть. Может ли Баррас быть нам полезен с точки зрения его нынешнего положения? Вне сомнения, может. Давай же используем это, а остальное позабудем²⁴.

Эти слова успокоили Бонапарта. Верный привычке извлекать выгоду из самых запутанных ситуаций, он произнес с улыбкой фразу, которую биографы Наполеона стараются нигде не цитировать:

– О! Если бы он доверил мне командование Итальянской армией, я бы простил ему все: я стал бы самым признательным из людей, я не подвел бы его, и, таким образом, мы провернули бы неплохое дельце. Мало того, я уверяю тебя, что мы вскоре могли бы купаться в золоте...²⁵

Для Жозефины это было решающим доводом.

– Ты эту должность получишь, – пообещала она. Бонапарт знал, как и чем следовало благодарить женщин. И, взяв креолку на руки, он отнес ее на кровать, снял с нее одежду и постарался быть ей приятным с помощью испытанных уже средств...

С того дня Бонапарт, по словам Роже де Парна, «поставил свою невесту на службу своему честолюбию».

Почти ежедневно он заставлял Жозефину навещать Барраса для того, чтобы хлопотать о должности главнокомандующего Итальянской армией, делая вид, что ничего не знает о связи, существовавшей между Директором и виконтессой.

Это отсутствие предрассудков очень удивило многих, начиная с самого Барраса.

Послушаем, что он пишет:

«Признаюсь ли я в этом? Да, признаюсь, поскольку пишу свои “Мемуары”, не дав им скучного и скромного названия “Исповедей”; я признаюсь, поскольку они могут попасть в руки какого-нибудь француза, воспитанного в духе рыцарства, что у меня была в некотором роде близость, теперь, правда, давняя, но вполне реальная связь с госпожой де Богарнэ.

В моих признаниях мало высокомерия, а кому-то может показаться, что они полны скромности. Однако же сложилась такая ситуация, которая не могла ускользнуть от сведения тех, кто был в курсе моей частной жизни. А посему все знали, что госпожа де Богарнэ считалась одной из первых моих любовниц, а Бонапарт, часто у меня бывавший, был одним из самых осведомленных обо мне лиц и не мог не знать всего этого. Но кажется, что то, что очень трогает нормальных мужчин, было для него совершенно безразличным, и в этом он намного превосходил других.

Таким образом, собираясь жениться на госпоже де Богарнэ и не будучи осведомлен о том, порвал ли я эту связь или же нет, он, тем не менее, собственноручно приводил в Директорию свою будущую супругу: она уже служила ему в делах, помогая его продвижению по службе.

Поскольку он был вынужден постоянно меня о чем-нибудь просить, то решил, что будет выглядеть менее навязчивым, если просить будет она.

Госпожа де Богарнэ неоднократно, желая переговорить со мной без свидетелей, просила меня без церемоний пройти с ней в мой кабинет. Бонапарт оставался ждать ее в салоне, коротая время за разговорами с посетителями.

Однажды госпожа де Богарнэ затянула нашу беседу дольше обычного, и, главное, дольше, чем того хотелось мне: она пылко говорила мне о нежности, которую всегда испытывала ко мне и на которую никак не могло повлиять предполагаемое замужество. Обняв меня, она упрекнула в том, что я больше не люблю ее, еще раз повторив, что любит меня больше всех на свете и не может порвать со мной, став женой “маленького генерала”.

Я оказался почти в таком же положении, в каком был Иосиф с госпожой Пютифар. Но я не стану лгать и говорить, что я был таким же жестоким, как тот молодой министр египетского фараона.

Из кабинета я вышел вслед за госпожой де Богарнэ не без некоторого смущения...»²⁶

Спустя несколько дней Баррас, довольный тем, что так легко отделался от этой истерички, сообщил «маленькому генералу», что тот назначен главнокомандующим Итальянской армией²⁷.

Добившись своего, Жозефина объявила всем, что намерена выйти замуж за этого Буонапарте, имя которого парижане так плохо выговаривали, но чей пыл был ей так хорошо известен...

Глава 2

Бурная брачная ночь Бонапарта

Адам и Ева были счастливы в Раю земном, но тут появился зверь...
Масиллон

9 марта 1796 года около восьми часов вечера в салоне мэрии 2-го округа, что на улице Антеи, скучали шесть человек.

Эти шестеро, собравшиеся у камина, были: Жозефина, Кольмеле (юрист), Ле Маруа (адъютант Бонапарта), Баррас, Тальен и чиновник отдела регистрации гражданских браков Коллен-Лакомб.

На улице шел проливной дождь.

– Надеюсь, что он не забыл, – прошептала Жозефина.

– У него много работы, – сказал в ответ Баррас. – Он готовится к отъезду в Италию. Сейчас ему предстоит немедленно решить бесчисленное множество вопросов.

Жозефина ничего на это не ответила, и во вновь наступившей тишине слышалось только потрескивание дров в камине.

О чем же она тогда думала, неотрывно глядя на огонь? Быть может, о той старой караибке из Фор-де-Франс, которая сказала ей, семилетней девочке:

«Ты выйдешь замуж за сверхчеловека и взойдешь на трон...»²⁸

И от этих воспоминаний она, возможно, впала в меланхолию...

Ведь этот невзрачный маленький генерал, с которым ей предстояло этим вечером связать свою судьбу, вовсе не был похож ни на сверхчеловека, ни на будущего монарха...

И однако же она верила в это предсказание. Верила так сильно, что эта вера помогла ей перенести все невзгоды революционных тюрем.

В девять часов вечера чиновник службы регистрации браков задремал, а свидетели, не решаясь взглянуть на «невесту», нервно вышагивали взад-вперед по салону.

Наконец, когда часы уже пробили десять, на лестнице раздались энергичные шаги. Дверь с шумом распахнулась, и в салон влетел Бонапарт. Подскочив к Коллен-Лакомбу, он стал трясти его за плечо:

– Ну же, господин мэр, пожените нас поскорее!..

Чиновник мэрии, с еще мутными от сна глазами, открыл свою регистрационную книгу, и все присутствовавшие в полной тишине заслушали запись о заключении брака, которая была занимательна уже тем, что была полностью неправдой: Бонапарт из галантности постарел на год, а Жозефина из кокетства помолодела на сорок восемь месяцев. Новобрачный назвал своим местожительством мэрию, его свидетель был слишком молод и не имел права заверять акт о браке... Согласитесь, любопытный был составлен официальный документ, особенно для молодого человека, чье имя позднее стал носить Гражданский кодекс...

После оглашения этого лживого документа были произнесены положенные в данном случае фразы, поставлены необходимые подписи, и все вывалили на улицу.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал Бонапарт ошарашенным свидетелям. – Увидимся завтра. Спокойной ночи.

После этого он втащил Жозефину в карету, которая во весь опор помчалась на улицу Шантрэн²⁹.

Для маленького генерала эта свадьба была очень выгодным делом. Женившись на вдове Богарнэ, он получал доступ в общество «бывших», роскошной жизни и элегантности которых всегда очень завидовал. А кроме того, он «становился французом»³⁰ и владельцем уютного

особняка, окруженного садиком... Богатства, о котором прожужжала ему все уши Жозефина, конечно же не существовало в природе, но креолка принесла ему в качестве приданого пост главнокомандующего Итальянской армией³¹.

А посему он раздевал супругу с довольной улыбкой на лице и с огромным желанием нанести ей самые сладостные оскорбления...³²

Собираясь лечь в постель, Бонапарт увидел, что на покрывале лежит мопс Жозефины по кличке Фортюне.

Он собрался было согнать собаку с кровати, но креолка запротестовала:

– Ты ведь не станешь беспокоить бедную собачку за то, что ей захотелось поспать на моей кровати, – сказала она. – Погляди, как он ласково на тебя смотрит... Надо быть бессердечным человеком, чтобы прогнать его.

Генерал твердо считал, что каждый должен быть на положенном ему месте: мужчины на войне, любовники в постели, а собаки – в своих конурах. У него появилось огромное желание вышвырнуть мопса в окно, но, подумав, что для первой брачной ночи это было бы плохим прологом, он, не сказав ни слова, юркнул под одеяло.

Едва соприкоснувшись с гибким горячим телом Жозефины, он стал думать совсем о другом, и, как красиво выразился господин де Равин, «маленькая капризная собачонка была тут же забыта из-за нежной шкатулки, которую будущая императрица тайно взрастила в месте соединения ее нежных шелковистых бедер...».

После нескольких прикосновений, имевших целью уточнить намерения, Бонапарт набросился на Жозефину с такой яростью, что испугал собачку.

Фортюне, не привыкший видеть, чтобы с его хозяйкой обращались так грубо, отчаянно залаял.

Бонапарт, продолжая начатое дело, попытался успокоить животное нежными и ласковыми словами. Он называл его, хотя и тщетно, золотым красивым барашком, розовым кроликом, ангелочком. И наконец, не выдержав, двинул ему ногой в брюхо.

Собака с жалобным визгом слетела на ковер, а супруги продолжили свои сладостные занятия.

Вдруг Бонапарт дико закричал, и счастливая Жозефина подумала, что муж ее достиг вершины блаженства. Но она ошибалась: это был не крик сладострастия, а вопль боли. Дело в том, что Фортюне, которому удалось-таки вскарабкаться на кровать и шмыгнуть под одеяло, впился своими острыми клыками в лодыжку будущего победителя под Аустерлицем...

После этого парочка продолжать любовные игры уже не смогла. У генерала пропал всякий интерес к удовольствиям.

«До самого утра, – рассказывает все тот же господин де Равин, – огорченная Жозефина ставила примочки из липового цвета на рану пострадавшего, который, корчась на кровати от боли, твердил жалобным тоном, что умрет от бешенства»³³.

Так, словно в веселом водевиле, закончилась первая брачная ночь величайшего человека всех времен и народов...³⁴

На другой день об этой свадьбе в довольно пренебрежительном тоне сообщила одна из газет:

«Генерал Буона-Парт, столь известный в Европе благодаря своим многочисленным подвигам (говорят, что прежде, чем стать генералом Французской республики, он был клерком у одного судебного пристава в Бастии), перед тем как отправиться в войска, чтобы

собрать новый урожай лавров на полях Марса, возжелал сорвать мирту Амура. Другими словами, это означает, что он захотел жениться.

На голову этого молодого героя возложили венок Амур и Гименей.

Он взял в жены госпожу де Богарнэ, молодую, сорокадвухлетнюю вдовушку, которая была неплоха собой до тех пор, пока во рту ее оставался последний зуб, украшавший самый маленький в мире рот.

Церемония бракосочетания прошла очень весело. Свидетелями были господа Баррас (...), Тальен и его прекрасная Кабаррю.

Господа Тальен и Баррас были очень любезны друг с другом. Они не могли глядеть на генерала Буона (sic!) без улыбки, понимая, что с их сердец свалился камень и что отныне совесть их чиста»³⁵.

Спустя два дня, 11 марта, Бонапарт выехал из Парижа и отправился в Ниццу принимать командование армией.

В Шансо его ждало огорчение в виде письма от Дезире Клари, той самой юной марсельки, которой несколько месяцев тому назад он клялся в вечной любви³⁶.

Чувствуя себя очень неловко, он прочел письмо, содержанию которого суждено было навечно запечатлеться в его памяти и заставить его мучиться угрызениями совести всю жизнь.

«Вы сделали меня несчастной до конца моих дней, но у меня хватает еще слабости простить Вам все.

Итак, Вы женаты. И теперь, значит, больше не дозволено бедной Эжени любить Вас, думать о Вас. Вы говорили, что любите меня... И женились?!

Нет, не могу свыкнуться с этой мыслью! Она убивает меня. Я этого не могу пережить! Я докажу Вам, что я была более верна своему слову, и, несмотря на то что Вы разорвали существовавшие между нами связи, никогда больше я не дам никому обещания, никогда не выйду ни за кого замуж. Мои несчастья научили меня разбираться в мужчинах и беречь от них мое сердце.

Я попросила Вашего брата вернуть мне мой портрет. И теперь я обращаюсь к Вам с этой же просьбой. Вам этот портрет, очевидно, не нужен, особенно сейчас, когда у Вас есть портрет той женщины, которая, безусловно, Вам дорога. Сравнение, естественно, не в мою пользу, поскольку жена Ваша во всем превосходит бедную Эжени, которая, возможно, превосходит ее только лишь в крайней к Вам привязанности.

После года разлуки я так мечтала о счастье! Я так надеялась вскоре увидеться с Вами и стать счастливейшей из женщин, выйдя за Вас замуж!

...Теперь мне осталось одно лишь утешение: убедить Вас в моем постоянстве. А после этого я хочу лишь одного: умереть. Жизнь – это жестокая пытка, и я не могу больше посвящать ее Вам.

Желаю Вам счастья и успехов в вашем браке. Я хочу, чтобы женщина, которую Вы избрали для того, чтобы сделать счастливой, заслужила больше счастья, чем я и чем Вы этого заслуживаете. Но я прошу Вас, если Вы достигнете вершины счастья, не забывать про Вашу Эжени и посочувствовать ее доле.

Эжени».

Бонапарт смущенно сложил письмо и сунул его в карман... С этого дня мысль об исправлении этой совершенной им несправедливости не покидала его. Она преследовала его до острова Святой Елены и тогда, когда он давал большое приданое за юной марселькой, становившейся королевой Швеции...

По пути к Средиземному морю любовь Бонапарта к жене переросла в безумную страсть. На каждом привале он показывал встречавшим его военным портрет Жозефины:

– Она прекрасна, не правда ли?

И по несколько раз в день он писал ей письма, которые отсылал с нарочными на улицу Шантрэн.

Эти письма были полны страсти:

«Каждое мгновение отдаляет меня от тебя, обожаемый друг, и каждое мгновение я нахожу в себе все меньше сил для того, чтобы переносить то, что я удаляюсь от тебя. Ты постоянно занимаешь мои мысли. У меня не хватает воображения придумать, чем ты занимаешься. Представив тебя грустной, я чувствую, как сердце мое разрывается, а боль моя – углубляется. Представив тебя веселой, игривой, с приятелями, я начинаю упрекать тебя в том, что ты очень быстро забыла наше тягостное трехдневное прощание: значит, ты легкомысленна и пока еще не познала глубоких чувств.

Видишь, мне трудно угодить. Напиши мне, нежный мой друг, и пусть письма твои будут длинными. Шлю тебе тысячу и один поцелуй самой нежной и честной любви».

Вскоре тон писем изменился. Мучимый желанием и ревностью, Бонапарт стал писать письма, полные безудержного романтизма.

В одном из таких писем, отправленных из Ниццы, он всерьез рассматривал возможность разорвать зубами свое сердце. Такое высказывание было уж совсем не к лицу главнокомандующему.

Вот что он писал:

«Не было дня, чтобы я не думал о тебе с любовью, не было ночи, чтобы я не сжимал тебя в объятиях. Я не выпил ни чашки чая без того, чтобы не проклясть славу и честолюбие, которые заставляют меня быть вдали от души моей жизни.

Решаю ли я тысячи вопросов, команду ли войсками, проезжаю ли по полям, одна лишь ты, моя восхитительная Жозефина, занимаешь мое сердце, мой разум, мои мысли.

И если я удалюсь от тебя со скоростью течения Роны, то лишь для того, чтобы поскорее вновь увидеться с тобой. Если я вдруг поднимаюсь среди ночи и начинаю работать, то это для того, чтобы хотя бы на несколько дней приблизить приезд моей нежной подруги.

И однако в своем письме, датированном 23–26 вантоза (13–16 марта 1796 года), ты обращаешься ко мне на ВЫ. Сама ты ВЫ!

Ах, нехорошая, как ты могла написать такое письмо! Какое оно холодное! И, кстати, с 23 по 26 – это целых четыре дня. Чем это ты занималась – у тебя не было времени написать письмо собственному мужу?

Ах, друг мой, это ВЫ и эти четыре дня заставляют меня с сожалением вспомнить о моем античном безразличии. Горе тому, кто заставит меня вновь к нему вернуться! Ему придется испытать на себе все те страдания и муки, которые испытываю я по причине убежденности и очевидности (которым и служит твой друг)! В Аду нет пыток, там нет ни Фурий, ни Змеей! ВЫ! ВЫ! Ах, что же будет через неделю?

Душа моя грустна, сердце поет, а воображение просто пугает меня... Ты любишь меня менее сильно. Настанет день, и ты совсем разлюбишь меня.

Скажи мне тогда об этом. Уж этого-то я, по крайней мере, заслуживаю...

До свидания, жена, мука, счастье, надежда и смысл моей жизни, которую я люблю, которой боюсь, которая внушает мне нежные чувства, зовущие меня к природе, и порывы столь же яростные, как гром.

Тот день, когда ты произнесешь: “Я разлюбила тебя”, станет последним днем моей любви или моей жизни.

Было бы мое сердце достаточно подлым для того, чтобы любить безответно, я разорвал бы его зубами!

Жозефина! Жозефина!.. Не перестала ли ты любить меня?»

Последние строки писем свидетельствуют об идефиксе:

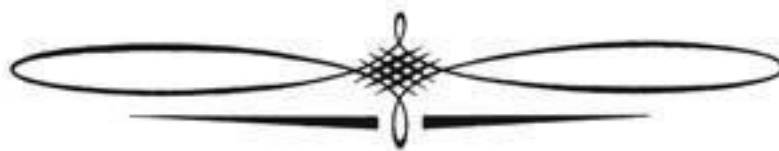
«Целую твои груди и ниже, гораздо ниже», – писал Бонапарт. Или еще: «Целую твой маленький черный лесок»...

Вот это уже совсем по-полевому и чуть-чуть кокетливо...

Получая эти взбалмошные послания, Жозефина хохотала:

– Бред какой-то! – говорила она.

А пока Бонапарт, возбужденный воспоминаниями о бурных ночах, проведенных с женой, ворочался на своей походной кровати, креолка предоставляла в пользование свое тело с шелковистой кожей любому молодому человеку, который ее об этом вежливо просил...

Глава 3

Из-за любви к Жозефине Бонапарт покрывает себя славой в Италии

*Мужчина, позволяющий жене командовать, перестает быть
самим собой и не походит на жену: он становится ничем.*

Наполеон

В начале апреля 1798 года, объединив и возглавив шайки оборванных людей, составлявших войска Директории на юге страны, Бонапарт вступил в Италию и стал разрабатывать план нападения на австрийские войска.

Войска австрийского императора под командованием генерала Болье, усиленные пьемонтцами короля Сардинии, намеревались перейти через Апеннины, разгромить «оборванцев» с трехцветными кокардами и «без задержек» дойти до Лиона. Для того чтобы сдержать лавину из шестидесяти тысяч обстрелянных и хорошо оснащенных солдат, Бонапарт располагал всего лишь тридцатью восемью тысячами голодных и разутых французских солдат. Но своим обращением к солдатам Наполеон зажег их сердца, пообещав, что даст им возможность пожить в захваченных городах:

«Солдаты! Вы раздеты и разуты, вы голодны, страна многое вам должна, но дать ничего не может. Ваше терпение и смелость, которые вы проявляете в этих скалах, достойны восхищения, но не приносят вам никакой славы. Я поведу вас на самые плодородные в мире равнины. Богатые провинции, большие города будут в вашей власти. Впереди вас ждут богатство, честь и слава!»

Орда рукоплескала ему:

– Вот это – командир! – восклицали солдаты. – Он знает, чего хочет!

А у этого молодого генерала, создававшего самую необычную армию всех времен, в голове была одна лишь мысль о жене. Он ежесекундно бросался то к стволу поваленного дерева, то к барабану, а то и к какому-нибудь камню с ровной поверхностью для того, чтобы написать полное страсти письмо и немедленно с нарочным отослать его в Париж...

Вечерами на бивуаках солдаты старались поменьше шуметь, полагая, что их командующий занят разработкой планов предстоящих сражений. Они были бы очень удивлены, узнав, что в этот момент их главнокомандующий думает о сладостном теле Жозефины. И стали бы меньше переживать, видя насупленные брови Бонапарта, если бы смогли догадаться, что суровый вид его был вызван вовсе не подготовкой к очередной кровавой схватке с неприятелем, а всего лишь поиском слов для написания полного ревности письма.

Да, маленький корсиканец ужасно страдал, представляя жизнь Жозефины в столице в окружении друзей, смазливых, представительных и любезных мужчин. 7 апреля он написал из Альбенга (стиль и орфография сохранены):

«Получил письмо, которое ты прекратила писать для того, чтобы, как ты говоришь поехать за город. И после этого ты говоришь, что ревнуешь меня который здесь завален делами и подавлен усталостью. Правда то, что я страдаю. Веною (весной) за городом очень красиво, а потом там безусловна был какой-нибудь девятнадцатилетний любовник».

Про этого «девятнадцатилетнего любовника» Бонапарт выдумал, даже и не подозревая того, что действительность намного превосходила его воображение...

Ибо Жозефина продолжала развлекаться точно так же, как в былые времена, и принимать в своей спальне столько мужчин, сколько того требовал ее темперамент...

Стараясь поскорее закончить войну, чтобы вновь быть с женой, Бонапарт набросился на австрийцев с такой решимостью, которая их просто ошеломила. За пятьдесят дней, одержав над противником шесть побед, он захватил двадцать одно вражеское знамя, похитил сто картин у папы римского, двадцать у герцога Пармского, тридцать у герцога Моденского, присвоил пятнадцать миллионов, разграбил библиотеки, опустошил музеи. За этим последовало подписание перемирия с Пьемонтом.

Гордый своими успехами, он решил продемонстрировать Жозефине все свое могущество и стал настойчиво приглашать ее приехать к нему в Италию.

Но молодая креолка не имела ни малейшего желания менять сладкую жизнь в Париже в атмосфере праздника и преклонения на неустроенную, полную неудобств походную жизнь. Кроме того, ее последний любовник Ипполит Шарль, красивый гусарский корнет, доставлял ей столько наслаждений, что она и мысли не допускала с ним расстаться...

Давайте послушаем Мармона:

«Генерал Бонапарт постоянно думал о своей жене. Он страстно желал ее и с нетерпением ожидал ее приезда... Он часто говорил мне о ней и о своей любви с таким воодушевлением, которое свойственно только очень молодым людям. Постоянное откладывание ее отъезда очень огорчало его, и у него случались приступы ревности. Кроме того, проявилось что-то вроде предрасположенности к суеверию, столь свойственному его натуре. Как-то раз стекло на портрете Жозефины, который он постоянно носил при себе, случайно треснуло. Он ужасно побледнел и прошептал: “Жена моя либо больна, либо изменяет мне”»³⁷.

Но мы-то знаем, что она не болела!..

В конце мая Бонапарт отправил Мюрата в Париж с письмом, в котором умолял жену ускорить отъезд. Результат был совсем неожиданным: Жозефина стала любовницей Мюрата...³⁸

Именно тогда, чтобы остаться в Париже, Жозефина распространила слух о том, что ждет ребенка. Мюрату было поручено сообщить эту новость Бонапарту. Тот обезумел от радости и, потрясенный и смущенный, схватился за перо:

«Так, значит, ты и впрямь беременна? Мне написал об этом Мюрат; но он сообщил мне также, что ты плохо переносишь это, и дал понять, что было бы неосторожным заставлять тебя совершать столь длительную поездку.

Значит, мне придется еще несколько месяцев быть вдали от всего, что я люблю. Возможно ли, что я лишен счастья видеть тебя с животиком? Ты, должно быть, забавно выглядишь.

Ты пишешь мне, что сильно изменилась. Письмо твое короткое, грустное и написано дрожащей рукой.

Что с тобой, обожаемый дружок? Я полагал, что я очень ревнив, но, клянусь тебе, ничего подобного. Чем оставлять тебя в меланхолии, я уж лучше сам найду тебе любовника...»

Бедняга! В этом деле Жозефина в услугах мужа вовсе не нуждалась... Она прекрасно управлялась сама.

В июне, устав ждать, надеяться и отчаиваться, Бонапарт отправил Жозефине это горькое письмо, которое мы приводим со всеми особенностями его стиля и орфографии:

«Жизнь моя это вечный кошмар. Мрачное предчувствие мишаает мне дышать...

Ты больна, ты любишь меня, я огорчил тебя, ты беременна, а я тебя не увижу. Эта мысль мучит меня. Я был так неправ по отношению к тебе, что не знаю как это исправить.

Я обвиняю тебя в том, что ты остаешься в Париже, а ты в это время нездорова. Прости меня, дружок. Любовь которую ты мне внушаешь атняла у меня Разум: я его никогда не верну назад. А от этой болезни лекарства нет.

Мои предчувствия так мрачны, что я бы ограничился тему чтобы увидеть тебя, прижать к сердцу и умереть вместе с тобой...

Что касается меня то я не знал ни утешения, ни отдыха, ни надежды до того (...) как в длинном письме ты объяснила мне про твою болезнь...

Жозефина, как могла ты прожить столько время, ни написав мне? Твое последнее письмо, любимая, написано 3-го числа сего месяца. Оно снова меня опечалило. Но оно однако всегда при мне. Твой портрет и твои письма без конца у меня перед глазами...

Я без тебя ничто. Я с трудом представляю как я существовал, не зная тебя? Ах, Жозефина, если бы у тебя было сердце, разве смогла бы ты не приехать с 29 по 16³⁹? Разве послушалась бы ты советов коварных друзей, которые вероятно хотели чтобы ты оставалась вдали от меня? Я подозреваю всех. Я зол на всех кто тебя окружает. Я считал что ты должна была выехать 5 и 15 уже быть в Милане...

Все мои мысли сосредоточены в твоём алькове, в твоей постели, в твоём сердце...

Я прикроено знаю что никогда не смогу сам дать тебе любовника... Вырвать ему сердце и увидеть его для меня будут одно и то же. И потом, если бы я посмел поднять руку на твою священную для меня личность... Нет я никогда не осмелюсь на это, я уйду из жизни, в которой меня предаст все то, что я считал самым добродетельным.

Тысячу раз целую твои глаза, твои губы, твой язык и твою п...

Ты помнишь ли о том сне, когда я съмал твои туфли, твои наряды и забрал тебя в сердце мое? Почему же природа сделала это так? Много дел...

Эти странные письма вовсе не производили на Жозефину того действия, на которое рассчитывал Бонапарт. Арно, находившийся на улице Шантрэн в тот день, когда Мюрат доставил молодой женщине одно из таких писем, оставил нам вот такое свидетельство:

«Она показала мне это письмо, равно как все письма, которые Бонапарт прислал ей со времени своего отъезда и которые свидетельствовали о самой глубокой страсти. Жозефину забавляло это чувство, в котором явно чувствовалась и ревность. Я до сих пор слышу, как она читает отрывок, в котором, позабыв вроде бы о явно угнетавшем его беспокойстве, муж ее писал: “Ну, если это окажется правдой, опасайся кинжала Отелло!”, и слышу, как она, улыбаясь, произносит со своим неповторимым креольским акцентом: “Он такой смешной, этот Бонапарт!” Любовь, которую она внушала этому столь необыкновенному человеку, трогала ее очень мало; она гордилась тем, что он любил ее почти столь же сильно, как славу! Она радовалась этой его славе, растущей день ото дня, но ей хотелось купаться в этой славе в Париже, в море аплодисментов, которыми приветствовали ее при каждой новости из Итальянской армии.

Она была очень огорчена, когда поняла, что все-таки придется покинуть Париж...»⁴⁰

Тогда она поставила одно условие: она потребовала, чтобы с ней в Италию отправился и ее любовник Ипполит Шарль. Карно, начинавший уже опасаться за состояние духа генерала Бонапарта, вынужден был согласиться с этим ее условием...

Жозефина пробыла в Париже еще две недели. Балы, ужины, несколько легкомысленные приемы, на которые ее без конца приглашали, настолько захватили Жозефину, что каждое утро она со смехом говорила своим друзьям:

– Решительно, мы выезжаем не ранее чем завтра.

Следует сказать, что жизнь Парижа 1796 года представляла собой постоянный праздник, на котором было дозволено совершать самые экстравагантные поступки.

«Щеголи» и «невероятные» одевались как шуты, разгуливали в смешных рединготах, носили прически «собачьи уши» и появлялись на улице всегда с толстыми сучковатыми палками.

И в то время как мужчины затягивались в галстуки, доходившие до самого рта, и воротнички, мешавшие повернуть голову, женщины, как бы для того, чтобы поддержать равновесие, носили удивительно легкие платья. Послушаем Роже де Парна:

«Потеряв всякий стыд, желая любым путем обратить на себя внимание, они появлялись на людях почти голыми, без нижних рубашек и юбок, в небольших корсетах, иногда в панталонах телесного цвета, а поверх всего этого – греческая туника из прекрасного прозрачного муслина, который помимо того, что они умышленно выставляли на всеобщее обозрение, вовсе не скрывал ни рук, ни ног, ни груди. Руки и лодыжки их украшали многочисленные браслеты, изготовленные по классическим античным образцам. Вместо туфель они носили сандалии. А поскольку ступни таким образом оставались открытыми, на каждом пальце ноги красовалось по перстню с драгоценными камнями или с бриллиантами»⁴¹.

Жозефина, как и госпожа Тальен, носила эти прелестные одеяния, при этом особое удовольствие доставляли ей прогулки по бульварам с Ипполитом Шарлем, когда она выставляла на всеобщее обозрение ноги, оголенные до половины бедра.

А по вечерам, по-прежнему в сопровождении этого симпатичного идиота, выражавшегося исключительно с помощью каламбуров, она отправлялась на балы.

Балы в период Директории были явлением довольно любопытным. Чаще всего женщины являлись на них с открытой грудью, и эта экстравагантность в одежде полностью соответствовала экстравагантности поведения. Очевидец этого не без иронии отмечает:

«Кто бы мог поверить, наблюдая эти балы, в то, что война вплотную приблизилась к нашим границам, что боевые действия велись на берегах Рейна, Самбра, Меза, за горами и на всех морях? Что объединившаяся Европа угрожала Франции, Республике, Конституции, Парижу, балам и самим их участникам?..»

На этих балах иногда появлялась какая-нибудь «чаровница» в экстравагантном одеянии. Послушаем же еще Роже де Парна:

«Что это за шум? Кто эта женщина, которой все рукоплещут? Давайте-ка подойдем поближе и посмотрим. Вокруг нее собралась большая толпа. Она голая? Вполне возможно... Подойдем еще ближе: это заслуживает отдельного описания. Я вижу, что она одета в легкие короткие панталоны, напоминающие знаменитые кожаные штанишки-кюлоты мессира графа д'Артуа, которого четверо лакеев поднимали для того, чтобы опустить в эти одеяния и не допустить образования ни малейшей складки, и которого, после того как проходил в этой одежде весь день, надо было таким же образом из нее извлекать, для чего требовалось прилагать усилия еще большие. Так вот, говорю я вам, эти женские панталоны, хотя они и из шелка, намного плотнее облегают тело и украшены чем-то вроде браслетов; блузка так искусно и умело скроена, что под художественно раскрашенной кисеей видно, как вздымаются **сосуды материнства**. Светлая льняная рубашка дает всем возможность полюбоваться икрами и бедрами, на которых надеты золотые обручи, усыпанные бриллиантами. Ее окружает группа молодых людей, выражающих ей свое восхищение, но молодая гордячка делает вид, что ничего не слышит. Еще одна смелость "чаровницы": ей осталось пренебречь столь малым, что у меня возникают сомнения относительно того, послужит ли истинному целомудрию удаление этой прозрачной вуали. Панталоны телесного цвета так плотно прилегают к телу, что это лишь подчеркивает прекрасные формы и самые сокровенные прелести и возбуждает воображение».

Наряженные в такие, прямо скажем, условные одеяния, дамы во время танцев прижимались к своим кавалерам всем телом и терлись о них до тех пор, пока какая-нибудь добрая душа не задувала канделябры...

И тогда «чаровницы» и «щеголи» ложились на пол и, забыв на некоторое время очарование ригодона⁴², познавали радость наслаждения, исполняя самый древний танец в мире...

Вполне естественно, что Жозефина предпочитала эту «сладкую» жизнь суровой походной жизни, уготованной ей Наполеоном. В середине июня она все еще продолжала находиться в Париже. Тогда Бонапарт, не в силах более сдерживать «охваченные пламенем чувства»⁴³, объявил всем, что намеревается бросить Итальянскую армию и отправиться в Париж.

Весть об этом повергла военного министра Карно в неописуемый ужас. Он бросился к Баррасу и попросил его убедить Жозефину в необходимости срочного отъезда в Италию.

Член Директории отправился на улицу Шантрэн и застал свою бывшую любовницу в постели с Ипполитом Шарлем.

– Директория только что приняла решение о выдаче вам паспортов для выезда в Италию, – сказал он. – Вы выезжаете завтра.

Жозефина зарыдала:

– Вы ведь знаете Бонапарта. Он начнет задавать мне тысячи вопросов о причинах задержки моего приезда. Его гнев будет ужасен... Особенно когда он обнаружит, что я вовсе не беременна, как сообщила ему... Что я ему скажу на это? Вы должны дать мне какую-нибудь бумагу, подтверждающую то, что я не могла покинуть Париж и что в этом мне препятствовали вы...

Баррас согласился, и вечером того же дня Жозефина получила с посыльным этот необычный сертификат, который должен был рассеять подозрения Бонапарта.

«Директория, возражавшая против отъезда гражданки Бонапарт из опасения, что то внимание и те заботы, которые будет оказывать ей ее муж, отвлекут его от дел, к которым призывают его слава и спасение Отчизны, решила, что указанная гражданка уедет к Вам только после того, как Вы возьмете Милан. Поскольку город сей Вы взяли, у нас больше нет никаких возражений против ее отъезда. Мы надеемся, что мирта, которой она украшает свою голову, не сможет превзойти лавры, которые Победа уже возложила на Вашу голову».

Имея на руках такую официальную бумагу, Жозефина могла без опасений встретиться с тем, кого эмигранты уже начали называть «генерал Корнапарт»⁴⁴.

26 июня, отужинав с Баррасом в Люксембургском дворце, Жозефина села в карету и отправилась к мужу со слезами на глазах, «как если бы отправлялась на казнь».

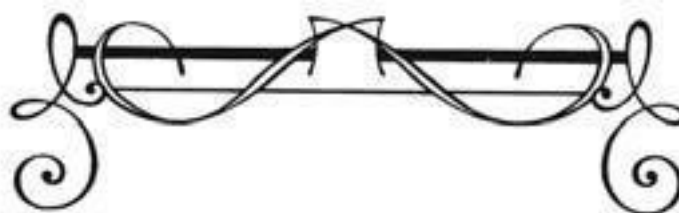
Кроме нее в карете находились Жозеф Бонапарт, Жюно, красивая горничная Жозефины Луиза Компуэн и, разумеется, Ипполит Шарль...

С самой первой ночи эта поездка превратилась для Жозефины и ее любовника в свадебное путешествие. Нисколько не стесняясь присутствия брата Наполеона, они на каждом привале устремлялись в отведенную для них комнату и там с безумной страстью предавались удовольствию с помощью тех средств, которые дала им природа. В это же самое время Жюно не терял времени даром с Луизой Компуэн...

А тем временем в Милане Бонапарт с успехом отбивал яростные атаки прекрасных итальянок, так желавших соблазнить героя.

Из-за любви к Жозефине, которая, как он полагал, хранила ему верность, он отверг притязания знаменитой певицы Грассины, которая хотела подарить ему, по выражению Салицети, свое «контр-до»⁴⁵.

Но по ночам ему приходилось принимать холодные ванны...

Глава 4

Бонапарт хочет расстрелять любовника Жозефины

Есть выстрелы в сердце, которые проходят мимо...
Народная мудрость

Вечером 9 июля перед ступенями дворца Сербеллони в Милане остановились три победившие от пыли кареты.

Десятитысячная толпа, собравшаяся перед громадным зданием президента Цизальпинской республики для того, чтобы увидеть жену генерала Бонапарта, испустила такой громкий вопль, что, по выражению некоего автора мемуаров, обладавшего богатой фантазией, «затряслись мраморные плиты»...

Позеленев от страха и забившись в угол кареты, Жозефина судорожно вцепилась в руку Ипполита Шарля:

– Что им от меня нужно? – прошептала она.

Жюно посмотрел на нее с некоторым удивлением:

– Народ приветствует вас, мадам!

Эта простая фраза должна была бы дать креолке понять, что за истекшие три месяца в жизни ее произошли необычайные перемены. Став в марте женой маленького генерала, казалось бы, без большого будущего, она в начале июля была уже равна королеве... Будучи человеком ограниченным, Жозефина, привыкшая к постоянным пошлым комплиментам и немедленному исполнению всех своих желаний, нашла приятным то, что ее встречали с таким восторгом и почетом, но выводов из этого никаких сделать не смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.